

ИГОРЬ БЭЛЗА

(Москва)

ОБ ОДНОЙ ПУБЛИКАЦИИ
ПРОФЕССОРА ЯНА РАЦКА

Имя профессора д-ра Яна Рацка хорошо известно в Советском Союзе как имя одного из наиболее выдающихся чехословацких музыковедов, достойно продолжающего традиции моравской школы, основоположником которой был такой крупный ученый, как профессор д-р Владимир Гельферт, чьи труды также пользуются заслуженным признанием в нашей стране.

Величайшей заслугой корифея чехословацкой науки академика Зденка Неедлого, а вслед за ним и профессоров Гельферта, Рацка, Плавца и других крупнейших чехословацких ученых, является введение в научный обиход громадного количества материалов, неоспоримо свидетельствующих о древности, богатстве и самобытности отечественной музыкальной культуры. Такова, в частности, известная во всем мире серия *Musica Antiqua Bohemica*, над которой уже столько лет работает профессор Ян Рацек. Эту серию, наравне с основанной Хибинским серией *Wydawnictwo Dawnej Muzyki Polskiej*, по справедливости, следует считать ценнейшим вкладом в музыкальную славистику, укрепляющим и расширяющим ее фундамент.¹

Каждому исследователю, обладающему навыками в изучении архивных материалов и понимающему коренное различие между изучением и ремесленной компиляцией, совершенно ясно, что поиски нового представляют значительные трудности, но что в процессе таких поисков могут быть обнаружены совершенно неожиданные данные, мимо которых никогда не пройдет настоящий ученый, даже если они и не связаны с магистральными темами его работ. Ярким примером такой находки может служить публикация, содержащаяся в работе профессора Рацка *Oratorien und Kantaten von G. Fr. Händel auf dem Mährischen Schlosse von Náměšť*.² На документ, цитируемый проф. Рацком в этой работе и воспроизведенный на основании автографа (Музыкальное отделение Моравского музея в Брне, G 70), репродуцированного в приложении (обг. 17—18) к работе, обратили уже должное внимание как западноевропейские,³ так и советские музыковеды.

Для того, чтобы в полной мере оценить значение данной публикации проф. Яна Рацка, необходимо хотя бы в нескольких словах обратиться к истории того сложного вопроса, решению которого, вне всякого сомнения, может способствовать документ, обнаруженный бременским ученым в процессе разработки совсем иной, казалось бы, темы. Подчеркнем попутно, что здесь сказалась широта научных интересов проф. Рацка и тонкое понимание им ценностей, которые таятся в архивных документах.

Напомним также, что именно в Чехии Леопольда Моцарта впервые предупредили, что Сальери и его клика, возненавидев Вольфганга, „*hätten Himmel und Erde gegen ihn in Bewegung gesetzt*“, о чем отец великого композитора, после того, как Душек сделал ему это предупреждение, написал своей дочери уже в апреле 1786 года.⁴ Именно чех Франтишек Немечек, которому принадлежит честь быть первым биографом Моцарта, в первом издании своей книги, говоря о смерти мастера, сделал злобещий намек на истинную причину его гибели: „... *wenn er ja nicht auch künstlich befördert war*“. Нам представляется поэтому весьма знаменательным, что именно в Чехии найден и опубликован документ, который, вне всякого сомнения, является очень важным звеном в цепи, начавшейся словами Моцарта: „... *gewiss man hat mir Gift gegeben*...“.

Уже 12 декабря 1791 года в пражской корреспонденции сообщалось: „*Weil sein Körper nach dem Tode schwoll, glaubte man gar, dass er vergiftet worden*“.⁵ Слухи о том, что Сальери отравил Моцарта получили особенно распространение осенью 1823 года, когда императорский и королевский капельмейстер, как свидетельствуют довольно многочисленные источники, признался в этом преступлении и совершил попытку самоубийства, перерезав себе горло бритвой.

Перечислим эти источники. В ноябре 1823 года венский журналист Шикх (Johann Schichk) сделал запись в разговорной тетради (№ 95) глухого Бетховена: „*Salieri hat sich den Hals abgeschnitten, lebt aber noch*...“. Это сообщение полностью соответствует сведениям, содержащимся в записи, которую 27 ноября того же 1823 года сделал в своем дорожном дневнике польский композитор и дирижер Кароль Курпиньский, находившийся тогда в Вене по пути в Варшаву: „*Chciałem się prezentować Salieremu, lecz u Artaria powiedziano mi, że jest śmiertelnie chory i nikogo, nawet najbliższych przyjaciół, nie przyjmuje. Podobno sobie gardło poderznął*“.⁶ Нет сомнения, что Артария и сотрудники его фирмы более, чем кто-либо другой были au courant de tout в музыкальной Вене. Впрочем, даже такие апологеты Сальери, как гейдельбергский врач Грейтер и английский музыковед Эрик Блом, не отрицают факта этой попытки самоубийства Сальери,⁷ совершенной в 1832 году. Но вопрос сводится к тому, чем была вызвана эта попытка.

Разговорные тетради Бетховена дают недвусмысленный ответ на этот вопрос. Тот же Шикх в конце 1823 года пишет: „*Es sind 100 auf 1 zu wetten, dass die Gewissensäußerung Salieri wahr ist*“. В 1825 году (разговорная тетрадь № 125) мы находим также сообщение Карла, племянника Бетховена: „*Salieri behauptet, er habe Mozart vergiftet*“, а в другой записи, сделанной уже после смерти Сальери, мы находим следующие слова Карла: „*Man sagt auch jetzt sehr stark, dass Salieri Mozarts Mörder ist*“. Видимо, Бетховен постоянно возвращался к этой теме, ибо, как явствует из его письма, посланного 7 января 1809 года фирме Брейткопф и Гертель, он писал: „*dass niemand mehr persönliche Feinde hier hat als ich*“ и что интриги против него плетутся „*aus Hass gegen mich, worunter Herr Salieri der erste*“ . . .

Наиболее обширную запись о предсмертных признаниях Сальери сделал в разговорной тетради Бетховена его друг и биограф Антон Шиндлер: „*Mit Salieri geht es wieder sehr schlecht. Er ist ganz zerrütet. Er phantasiert stets, dass er an dem Tode Mozarts schuld sei und ihn mit Gift vergeben habe. Dies ist Wahrheit denn er will dies als solche beichten, — so ist es Wahr wieder, dass alles seinen Lohn erhält*“. Итак, разговорные тетради Бетховена и запись в дневнике Курпиньского содержат сведения и о признаниях Сальери, и о его заявлении, что он собирается повторить их на исповеди, и о попытке самоубийства, после которой он прожил еще полтора года.

Конечно, никакого внимания не заслуживают нелепые попытки объявить сплетниками и клеветниками всех собеседников Бетховена, сотрудников Аргария, а заодно и Вацлава Яна Томашка, утверждавшего, что Сальери украл рукописи Глюка после его смерти.⁸ Нужно напомнить, в частности, что, начиная с 1840 года, биографические работы Шиндлера о Бетховене прочно вошли в обиход мировой музыкальной науки. Но, собственно говоря, никто из серьезных ученых и не пытается оспаривать приведенные нами данные, которые на протяжении последних лет получили подтверждение в работах деятелей медицинской науки, считающих, что Моцарт был отравлен двухлористой ртутью (*Hydrargyrum bichloratum*).⁹ Некоторые авторы полагают лишь, что признания Сальери были сделаны в невменяемом состоянии: „*He was in fact mentally deranged at his death*“ — заявляет Эрик Блом, приходя к выводу: „*Thus the tradition would now be, not »Salieri poisoned Mozart«, but »Salieri told X that he poisoned Mozart« . . .*”¹⁰ Иными словами, к длинному списку лиц, „оклеветавших“ Сальери, нужно присоединить самого Сальери . . .

В музыкальных энциклопедиях преобладает все же версия о безумии, которым якобы объясняются и признания Сальери и попытка самоубийства, совершенная им в 1823 году. Однако в большинстве источников подчеркивается тот факт, что на протяжении уже многих десятилетий обвинение

об отравлении Моцарта никогда окончательно не снималось с Сальери. Так, в последнем издании „Р и м а н а“ говорится, что это обвинение „*zieht sich durch die ganze Mozart-Literatur, und diese Legende ist sogar bis heute noch nicht verstummt*“. Там же отмечено: „*Im Herbst 1823 fiel er in geistige Umnachtung*“.¹¹ В единственной польской музыкальной энциклопедии сказано: „... *utrzymuje się nawet przekonanie, że w zaślepieniu zawiści S. otruł Mozarta; podobno na łożu śmierci miał się przyznać do tego morderstwa*...“¹²

Нельзя, конечно, отрицать, что осенью 1823 г. Сальери находился в состоянии сильнейшего нервного возбуждения. Но тема, к которой он беспрерывно обращался в этом состоянии, заставляет вспомнить слова шекспировского Пóлония: „*Though this be madness, yet there is method in it*“ („*Hamlet*“, II, 2). И в связи с этим возникают следующие вопросы: Чувствовал ли Сальери утрызения совести до 1823 года? Возникла ли у него мысль о самоубийстве до этого рокового года? Почему он не прибегнул к яду, столь характерному для итальянской „традиции“,¹³ а избрал такой мучительный способ самоубийства? На все эти вопросы дает ответ тот документ, который опубликовал профессор Ян Рацек.

„*Quando l'Escelezza Vostra riceverà questa lettera, Dio avrà chiamato a se lo scrivente*“ — так начинается письмо Сальери графу Гаугвицу,¹⁴ датированное мартом 1821 года. Итак, в этом письме, посланном, следовательно, за два с половиной года до известной нам попытки самоубийства Сальери, он извещал графа, что к тому времени, когда тот получит это письмо, „*Господь призовет к себе пишущего (эти строки)*“. Это — типичное начало письма самоубийцы, ибо, если бы даже допустить, что Сальери был тогда тяжело болен, то все же письмо из Вены в Моравию шло не так уж долго, чтобы применять такую категорическую форму, а не сослаться просто на предчувствие близкой смерти. Но и из дальнейшего содержания письма явствует, что его писал человек, прощавшийся с жизнью, но заботившийся об искуплении какого-то тяжелого греха и написавший специально для этого Реквием, который он просил исполнить в частной капелле графа („*nella di Lei privata capella in suffragio dell'anima mia*“). Данное письмо содержит и другие просьбы и распоряжения, явно имеющие завещательный характер.¹⁵

Принял ли решение Сальери распрощаться с жизнью в состоянии безумия? Против этого решительно говорят и изысканный стиль данного письма и других писем Сальери, относящихся к 1821—1822 гг., и почерк, да и тот факт, что в последующие годы деятельность Сальери продолжалась.¹⁶ Неясно лишь, почему после такого письма Сальери остался в живых. Либо он в последнюю минуту испугался смерти, либо яд, имевшийся в его распоряжении, не подействовал. Тогда становится ясным, почему в 1823 году императорский и королевский капельмейстер прибегнул к бритве...

Конечно, в этом письме имя Моцарта не названо. Но в изданных недавно дневниках знаменитого английского музыкального деятеля Винцента Нелло и его жены Мари, зато названо имя Сальери, которого, как явствует из записанных ими бесед с Констанцой, — сам Моцарт считал своим убийцей.¹⁷ Тем самым более и более увеличивается количество доказательств того, что в основу своей гениальной трагедии „Моцарт и Сальери“ величайший русский поэт положил исторически достоверное событие.¹⁸ К числу документов, относящихся к тайне, унесенной Сальери в могилу, принадлежит и документ, опубликованный профессором Яном Рацком. Цитатой из этого документа начинается упомянутая уже статья „*Salieriana*“, содержащая ряд новых штрихов, позволяющих приблизиться к постижению этой тайны.¹⁹ Можно с уверенностью сказать, что ни один моцартовед не пройдет мимо публикации профессора Яна Рацка, значение которой стремился показать автор этой статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Оценка обеих серий содержится в работе автора этих строк: *Развитие музыкальной науки в Польше и Чехословакии в 1945—1960 гг. Ученые записки Института Славяноведения*, том XXV. Издательство Академии Наук СССР. Москва, 1962, стр. 110—111, 121—122. Характеристика трудов профессоров Гельферта и Рацка содержится также в кн.: И. Бэлза, *История чешской музыкальной культуры*, том 1. Издательство Академии Наук СССР. М., 1959, *passim*.
- 2 *Sborník prací filosofické fakulty brněnské university*, VIII, F. 3. Приношу искреннюю благодарность А. Бухнеру (Прага) за любезное предоставление мне оттиска этой работы проф. Рацка.
- 3 См., напр.: K. M. Pisarowitz, *Salieriana*. Mitteilungen der Internationalen Stiftung Mozarteum. Salzburg, im Dezember 1960. Doppelheft 3—4, S. 11.
- 4 P. Nettl, *Mozart in Böhmen*. Prag-Karlin, 1938, S. 81. См. также: V. J. Sýkora, *František Xaver Dušek*, Praha, 1958, str. 43.
- 5 Текст этой корреспонденции, помещенной в *Berliner Musikalische Wochenblatt*, перепечатывался уже не раз. См. напр.: W. A. Mozart von H. Abert. 7. Auflage. Leipzig, 1956, S. 696.
- 6 *Karola Kurpińskiego Dziennik podróży*. 1823. Opracował Z. Jachimiecki. Polskie Wydawnictwo Muzyczne, 1954, str. 162. Комментарии к этой записи см.: И. Бэлза, *Забывтые польские музыканты*. Изд. Академии Наук СССР. Москва, 1963, стр. 94.
- 7 См. напр.: E. Bloom, *Mozart's Death*. „Music and Letters“, Vol. 38, N4, October 1957, p. 326.
- 8 *Vlastní životopis Václava Jana Tomáška*. Přeložil a uspořádal Z. Němec, Praha, 1941, str. 158—159.
- 9 Такую точку зрения высказал в СССР доктор медицины профессор И. М. Саркизов-Серазини, разрешив автору этих строк изложить его мнение. См. И. Бэлза, *Моцарт и Сальери (об исторической достоверности трагедии Пушкина)*. В книге: *Пушкин. Исследования и материалы*, том IV. Изд. Академии Наук СССР. Москва, 1962 (польский перевод: I. Bełza, *Historyczna prawda w tragedii Puszkina, Mozart*

- i *Salieri*, Warszawa, „*Życie i Myśl*“ 1962, 1—2); D. Kerner, *Krankheiten grosser Musiker*, Stuttgart, 1963 (см. также Dr. med. D. Kerner, *Mozart Todeskrankheit*, Berlin—Mainz, 1961, где на стр. 21. автор полностью присоединяется к мнению советских исследователей, заявляя, в частности: „*Die Feststellung des russischen Wissenschaftlers I. Belsa erscheint somit absolut zutreffend!*“); Dr. med. Gunther Duda, *Gewiss-man hat mir Gift gegeben*, Pähl, 1958.
- ¹⁰ E. Blom, op. cit., p. 326.
- ¹¹ *Riemann Musik Lexikon*. Personenteil L—Z. Mainz, 1961, S. 568.
- ¹² J. Reiss, *Mała Encyklopedia muzyki*, Warszawa, 1960, str. 661. Характерно, что *Mała Encyklopedia Powszechna* (Warszawa, 1959; 1960), несмотря на свой объем (1135 стр.) имени Сальери вообще не упоминает.
- ¹³ Напомним, что о сулеме говорится уже в „*La Vita*“ Бенвенуто Челлини.
- ¹⁴ J. Rassek, op. cit., p. 65.
- ¹⁵ *Ib.* pp. 65—66.
- ¹⁶ В 1822—1823 гг. у Сальери брал уроки юный Лист, *Franz Liszts Briefe*. Bd. VIII, S. 396.
- ¹⁷ *A Mozart Pilgrimage. Being the Travel Diaries of Vincent and Mary Novello in the year 1829*. London, Novello, 1955, p. 127 („*The son denies he poisoned him although his father thought so and Salieri himself confessed the fact in his last moments . . .*“).
- ¹⁸ См.: I. Belza. *Puškinova tragédie o usmrcení Mozarta*. „*Zprávy Bertramky*“, 32. Praha, 1963.
- ¹⁹ K. M. Pisarowitz, op. cit., pp. 11—14.